

Русская артель

Невостребованный опыт:
из прошлого в будущее?

Настоящая статья — определенный итог многолетних исследований происхождения и сущности русской артели, предпринятых в Институте динамического консерватизма. Мы исходим из представления об этом институте как о социальном, экономическом и культурном явлении, отражающем важнейшие черты и характеристики менталитета русского народа. Речь идет не о преходящих свойствах общественного сознания, но именно о стойких основах народного духа, которые прорастают сквозь разные исторические эпохи. Такой подход позволяет рассматривать артель не только как исторический феномен, но и как отражение национальной метафизики, практическое преломление глубинной установки русского человека на взаимодействие, совместную деятельность, совместную жизнь¹.

Артелью мы называем *добровольное товарищеское объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности*. Исторически русская артель является носителем ценнейшего опыта низовой самоорганизации народа, при этом

АВЕРЬЯНОВ Виталий Владимирович — директор Института динамического консерватизма, исполнительный секретарь Изборского клуба, доктор философских наук

¹ В развернутом виде наше исследование готовится к печати в издательстве Института русской цивилизации (Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова. М., 2014). Среди его основных авторов — В. В. Аверьянов (рук. авт. колл.), В. Ю. Венедиктов, А. В. Козлов. Кроме того, ряд экспертов принимал участие в работе над отдельными аспектами. При всем обилии литературы об артели мы столкнулись с отсутствием сводных фундаментальных исследований, предлагающих всестороннее рассмотрение этого феномена во всем его многообразии, его описание, анализ и концептуализацию, всеобъемлющий учет его оценок у разных авторов, отражений в различных направлениях общественной мысли. Отсутствие обобщающих работ было разительным при том огромном внимании, которое начиная с 1860-х годов уделялось исследователями темам артели, артельности, соотношения артели и общины, детальному изучению отдельных разновидностей артели и кооперации, анализу исторических трансформаций, в ходе которых русская артель пережила тяжелые испытания, горячим дискуссиям идеологов прошлого вокруг развития артели и ее важности для будущего социального уклада, тому огромному социальному значению артели, которое представляется несомненным для русской истории последних столетий, и т. д.

Ключевые слова: артель, Россия, солидарность, социальная синергия, кооперация, команда, товарищество.

артельный союз, чтобы иметь право так называться, должен был обладать внутренним суверенитетом. Суверенитет русской артели — определенная мера ее независимости от внешних сил и субъектов. Следует подчеркнуть, что русская артель всегда вступала в сложнейшие и самые разнообразные взаимоотношения с внешними субъектами, а потому сохранение собственной автономности и независимости являлось непростой задачей, требовавшей от артельщиков верности своим принципам, преданности друг другу и артельной традиции, истоки которой восходили, как правило, к древнему прошлому.

Особенно много сведений о русской артели в ее классических формах относится к XIX столетию, когда сформировались самые разные типы артельных объединений. Обозначим лишь главные из них:

— артели синхронного типа, члены которых не покидали свою деревню, сочетая труд на общинной земле и в артельном промысле;

— отхожие артельные промыслы, или сезонные артели, когда артельщики в страду занимались сельскохозяйственным трудом, а в остальное время уходили на заработки;

— артели, создаваемые на основе полной и постоянной занятости и требовавшие выхода из сельской общины (чаще всего они возникали в городах или при фабриках и заводах);

— переселенческий (колониционный) тип, когда артель специально формировалась для переселения общины или группы крестьянских семей на новое место.

Масштаб вовлечения народа в артели был весьма значительным. По подсчетам А. М. Анфимова, промыслами в европейской России в 1901 году было занято не менее 14 миллионов крестьян. По мнению ряда специалистов, особенно сильное развитие отхожие промыслы получили после реформы 1861 года — хотя отходничество имело место и в крепостнические времена, когда помещики отпускали малоземельных крестьян на заработки. Так, уже с конца 1750-х годов и далее, при Екатерине II, правительство стало активно проводить политику поощрения мелких промыслов, что позволяет историкам говорить о своего рода «*промысловой революции*» в нечерноземном центре страны². Некоторые полагают, что отходничество являлось следствием так называемого демографического сжатия, когда высокими темпами шел рост числа безземельных и безлошадных крестьян; иными словами, организацию крестьян в отхожие артели так же, как индивидуальное отходничество, рассматривают как вынужденную³.

В то же время существует достаточно обоснованная точка зрения, согласно которой для русского крестьянина еще до отмены крепостного права была органичной двойная экономика: отдельно «летняя» и отдельно «зимняя». «Цель летней экономики — обеспечение семьи продуктами “от земли”. Цель зимней — получение доходов “от промыслов”, — пишет современный русский аналитик и демограф В. А. Башлачев. — Раз “мороз сковал землю”, то русскому земледельцу зимой на ней делать нечего. Крестьянину — “*надо*

² См. История России XVIII—XIX вв. / Под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 229—232.

³ См. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург: Издательство УГТУ, 2005. См., в частности, § 4, 3, 7 и др.

промышлять»⁴. Выражение про зимнюю жизнь крестьян «надо промышлять» — это цитата из работы выдающегося русского этнографа XIX века, почетного академика Петербургской Академии наук Сергея Васильевича Максимова⁵.

Другой знаток народной жизни — Владимир Иванович Даль в одном из своих рассказов писал: «Из дальних губерний работники уходят на два, на три и более года, не только в столицы, но и во все концы царства; симбирцы, владимирцы, ярославцы строят дома в Уральске, Оренбурге, Омске и Тобольске. Во многих малоземельных губерниях большая часть господских имений на оброке, мужики ходят по всей России, и одни только старики, бабы и дети сидят дома. Тысячи плотников, столяров, половщиков, каменщиков, штукатуров, печников, кровельщиков рассыпаются отсюда ежегодно по всей России; крестьяне целыми селениями держатся по наследству промыслов, к коим привыкли уже деда их. Целые деревни тверитян или новгородцев бывают летом в Питере штукатурками, а зимою сапожниками. <...> В этих малоземельных селениях заведено большею частию, что молодой парень должен заработать наперед известную сумму на отца и семейство свое, потом уже, уплатив года три-четыре подушное за отца или деда и за малых братьев, идет он работать год или два на себя и женится. Тут не найдете вы мужика-домоседа, мужика, который не видал бы свету; только разве в больших семействах, пятериках, семериках, один постоянно остается дома. Может быть, это обстоятельство объясняет сильную склонность, всегдашнюю готовность крестьян наших к переселению»⁶.

Исследователи отмечали «чрезвычайную склонность русского народа к артельному общению». «Известны случаи, — писал проницательный исследователь русской артели А. А. Исаев, — когда русские каторжники, бежавшие из Сибири в Америку, образовывали там артели извозчиков»⁷. Артель с удобством применялась в добывающей промышленности, охоте, рыболовстве, земледелии и т. д. — в каждом из промыслов наблюдались различные модификации и вариации артельного содружества людей. При этом попытки искусственной организации артелей в кустарной промышленности, предпринимаемые земствами во второй половине XIX века, в большинстве случаев не привели к ожидаемым результатам. Наибольшее распространение в России получали артели рыболовов, грузчиков, строителей, носильщиков, а также разнообразные сельскохозяйственные артели. Были широко распространены и различные близкие к артели формы организации (заводские «сотни», строившиеся с учетом артельного начала; потребительские артели в различных социальных средах — в частности харчевые, солдатские, арестантские; созданные для коллективной аренды квартир товарищества и т. п.).

Для верного понимания сущности организации русской артели важно акцентировать ее несводимость исключительно к экономическим

⁴ Башлачев В. А. Русское крестьянство в зеркале демографии. М., 2011. С. 68.

⁵ См. Максимов С. В. По Русской земле. М., 1989. С. 26.

⁶ Даль В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 206—207.

⁷ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 287.

началам; огромную важность имели также и неэкономические факторы и принципы, которые со всей своей силой проявлялись в неэкономических артелях. Надэкономическая сущность института состояла в том, что целью его деятельности, даже сугубо экономической, не являлась одна только прибыль. «Рыночные», экономикоцентричные трактовки артели, подходы к ней как форме организации, мотивированной на получение прибыли, продемонстрировали свою беспомощность и маргинальность.

В русской артели демонстрировалось отношение к деньгам и капиталу

Преуспевающие, «богатые» артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастерства, возможности иметь учеников, в продолжении и развитии артельного дела. Так мы выходим на философию предприятия альтернативную капиталистической, на особый некапиталистический вид предпринимательства.

как функциональному фактору развития дела. «Не деньги создают дело, а дело деньги. Если артель будет объединением трудящихся людей, то к ее услугам будут и деньги»⁸. Этот же принцип в более широком философском звучании раскрывается и в известной народной поговорке, в которой показано отличие

русского менталитета от западного, буржуазного: «время — деньги». *«Время, — говорили в русском народе, — деньгу дает, а на деньги времени не купишь»*. Эта сентенция свидетельствует о непереводимости ценности человеческой жизни в финансы, в количественную меру — жизнь человека, его внутренний мир и внутренняя свобода рассматривались как высшее измерение бытия, а время понималось как «мудрость жизни»⁹. Материальное состояние, при всей его важности, помещалось в дробную плоскость.

В чем же состояла подлинная цель русской артели? Замечательный русский ученый, народник А. Н. Энгельгардт полагал, что в подоплеке артельной деятельности лежит стремление, «истратив меньшее количество пудов работы, извлечь наибольшее количество силы из солнечного луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща»¹⁰. Главный теоретик кооператизма-артельности Е. Д. Максимов (Слобожанин) усматривал смысл артели в удовлетворении «разнообразных жизненных потребностей личности — ду-

⁸ Буров Ф. Ф. Из деревенских разговоров // Народные мысли. 1918. № 8—9 (Цит. по: Николаев А. А. Как крестьянство артелью справляет свои дела. М., 1918. С. 5).

⁹ См. на эту тему: Азаренко С. А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург, 2000. С. 214.

¹⁰ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 312.

ховных, правовых, политических и экономических»¹¹. Исследователь видел цель артельно-кооперативной деятельности в счастье человеческой личности.

Безусловно, и *персональное счастье артельщика*, и *общая польза участников артели* не могут пониматься как потребительские или чисто экономические понятия. Преуспевающие, «богатые» артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастерства, возможности иметь учеников, в продолжении и развитии артельного дела. Таким образом, здесь мы выходим на философию предприятия альтернативную капиталистической, на особый некапиталистический вид предпринимательства.

Существуют многочисленные свидетельства огромного нравственного значения артелей, их влияния как на самих артельщиков, так и на окружающих людей. Среди крестьян смысл и пафос артели вызывал умиление сродни религиозному. По убеждению «артельного батьки» Н. В. Левитского, организатора земледельческих ассоциаций в Херсонской губернии, артель воспитывает человека, способствует снижению преступности: «А какое впечатление производит артель на народ, можно видеть из того, что некоторые, слушая объяснения по поводу артелей, снимают шапки и крестятся»¹². А. А. Исаев указывал на огромную воспитательную и формирующую личностную силу артелей: по его наблюдениям, само общение между членами влияет на их ум гораздо более, чем чтение книг. А. Н. Энгельгардт, описывая артели граборов, замечает: «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец как человек сам по себе, но как артельный грабор он честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели»¹³.

С другой стороны, нельзя недооценивать и такой важный фактор, как подбор в артели людей по принципу не только профессионализма, но и личных качеств. Видный русский предприниматель Вл. Рябушинский в работе «Русский хозяин» отмечал: артель как «замечательный элемент русской деловой жизни, бесценный помощник и сотрудник русского хозяина заслуживает особого внимания. <...> Запад не знает такой организации — это особенность нашего хозяйственного уклада. Некоторые умиляются, полагая, что артель — это “демократия”; совсем она не демократия, а чистая аристократия — отбор по признаку известной зажиточности, а главное — личной годности. Не всякого, кто хочет, возьмут в хорошую артель; он должен внушать доверие, его должны знать. Артель отвечает имущественно за своих членов, а поэтому слабых людей, пьяниц, кутил она терпеть не может»¹⁴.

Упомянутый выше Н. В. Левитский, исходя из собственного опыта, чрезвычайно ярко рассказывает о преимуществах артельной организации по сравнению с другими типами хозяйства. По его мнению, земледельческая артель позволяла: а) крепко держаться земли; б) сделать хозяйство крепким и надежным; в) легче выдерживать неурожайные годы; г) улучшить свое хозяйство приобретением усовершенствованных земледельческих орудий и

¹¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности: статьи. Пг., 1919. С. 69.

¹² Левитский Н. В. Земледельческие артели Херсонской губернии. СПб., 1896. С. 2.

¹³ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. С. 286.

¹⁴ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С. 146–147.

машин; д) через круговую друг за друга поруку занимать деньги в частных, правительственных, земских кредитных учреждениях, так как артель может приобрести больше доверия к себе и своей хозяйственной и платежной силе; е) обеспечить верную и правильную уплату следуемых государственных, земских и общественных денежных повинностей и налогов; ж) отвыкнуть от злобы друг к другу, а учиться братской жизни, взаимному уважению и любви¹⁵.

Отвечая на вопрос: «что прежде всего привлекало русского человека к артели?», — современный мыслитель О. А. Платонов отмечает: «Равноправие, справедливое вознаграждение, товарищеская поддержка, ибо артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями». По мнению Платонова, русская артель была призвана на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями¹⁶.

Выгодность артели для артельщиков иногда оспаривалась исследователями. К примеру, М. И. Туган-Барановский указывал на некоторые разновидности артелей как архаические формы, работающие чуть ли не в убыток своим участникам. Данные наблюдения носили выборочный характер и относились к тем артелям, которые подвергались систематическому выдавливанию с рынка капиталистическими предприятиями. При этом невозможно согласиться с критиками артели в том, что подобные случаи дают основания подвергнуть сомнению выгодность участия в артели по сравнению с обычным наемным трудом. Если исходить не из тенденциозного подбора фактов эпохи рыночного кризиса или обострения капиталистической конкуренции, то мы увидим обратную картину.

В классической артели человеку труда было везде и всегда работать выгоднее, чем в батраках или наемниках. Современный историк Александр Елисеев справедливо отмечает: «Артель представляла собой высокоэффективную хозяйственную организацию, члены которой всегда получали значительный материальный стимул к хорошей работе — великолепные заработки. Они во много раз превышали заработки наемных рабочих — и государственных, и “частных”»¹⁷. О том же пишет и А. А. Исаев в своей работе «Артели в России»: «Обращает на себя внимание то благодетельное влияние, которое артель, экономически самостоятельная, оказывает на материальный быт участников. Причины этого благотворного влияния слишком понятны, чтобы нуждаться в подробных пояснениях. Раз производительной артели принадлежат весь труд и капитал, влагаемые в предприятие, она получает и все доходы, добываемые путем совместной деятельности». При этом Исаев оговаривается, что данная закономерность действительна только в отношении хозяйственно самостоятельных артелей; если же артель

¹⁵ См. Левитский Н. В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900. С. 5.

¹⁶ См. Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 55–57.

¹⁷ Елисеев А. Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 30.

впадает в зависимость от предпринимателя или кредитора, то она «спускается до уровня группы наемных рабочих; в этих случаях она слишком слаба, чтобы давать своим членам те выгоды, которыми пользуются участники самостоятельных артелей»¹⁸.

Укажем и конкретные примеры, приведенные Исаевым в подтверждение явной выгодности в его эпоху труда артели в сравнении с наемным трудом в финансовом выражении: в Казанской губернии средний дневной заработок члена земледельческой артели составлял 1 рубль, а наемного рабочего — 60 копеек; нежинские табачницы зарабатывали в артелях по 30 рублей за семь месяцев, а при единоличном найме — только 17 рублей; в родионовской артели рыбаков на члена приходилось 150 рублей в год, что составляло по местным условиям (Кадниковский уезд) очень высокий заработок; в южной России плотник, который получал у рядчика 8—12 рублей в месяц, зарабатывал в артели 20—25 рублей; по вычислениям, сделанным для Ярославской губернии, до введения артельных сыроварен за молоко крестьяне выручали цену, почти вдвое меньшую, чем позднее посредством этих артелей¹⁹. На основании этих и множества других подобных примеров можно говорить о том, что во времена классической русской артели артельщик был в среднем примерно *вдвое более успешен и состоятелен* по сравнению с наемным рабочим. Неудивительно, что в народе профессиональные артельщики пользовались уважением, а отправка на артельные заработки представлялась для крестьян, особенно молодых и холостых, привлекательной.

* * *

Можно выделить по крайней мере 12 положений, которые *задают рамочные характеристики артели*. При выходе за эти рамки, с нашей точки зрения, следует говорить об изменении самой сущности классической артели или разрушении ее исторически обусловленной целостной модели. При систематическом нарушении того или иного принципа исследователь вправе говорить о вырождении или деградации артели.

1. Добровольность участия в артели ее основных взрослых членов, возможность выхода из артели, осуществляемого по определенным правилам.

2. Основа артели — личный труд участников. При этом участие внешнего пайщика, заказчика, посредника, наемных работников часто имеет весьма важное значение для жизнедеятельности конкретного союза, но все эти факторы не определяют суть артели и не должны вести к размыванию ее базовых принципов.

3. Согласованность действий, совместное распределение функций и участков работы.

4. Самоуправление, которое проявляется в *общем собрании* участников как высшем органе власти в артели, *избрании* руководителя и иных органов управления, *контроле* участников за ходом исполнения решений и реализации принципов артели. Самоуправление, если несколько абстрагироваться от привычной рефлексии на эту тему, означает в первую очередь не

¹⁸ Исаев А. Артели в России. С. 251, 252.

¹⁹ См. там же. С. 254.

какие-то формально-процедурные демократические черты, но прежде всего — глубинный характер участия всех и каждого в общем деле, не только в самом труде, но и в управлении, организации труда, согласовании спорных вопросов. Демократической процедуры в таком самоуправлении могло и не быть — многие решения принимались по молчаливому согласию, при том что голос участника артели, если он возвысится, не мог быть заглушен.

5. Круговая порука как солидарная ответственность участников перед внешними субъектами правовых и экономических отношений.

6. Наличие в артели писаного или чаще неписаного договора (устава), основу которого составляли известные всем обычаи и традиции данной местности и данной хозяйственной отрасли, промысла.

7. Элементы общего быта и стола, специальных артельных ритуалов и обрядов (иногда приобретающих всеобъемлющее значение — как, например, в обычае «помочей», преобразующих взаимопомощь трудом в эстетизированный фольклорный ритуал сродни религиозному).

8. Распределение доходов пропорционально личному вкладу участников на основе равенства их прав. В подавляющем большинстве артелей критерии и приоритеты, связанные с оценкой вклада участников, долей их труда и заслуг в общем деле, были детально ясны всем опытным артельщикам и связаны с идущей из прошлого традицией справедливого распределения. Хотя встречались и случаи абсолютно равного распределения доходов среди артельщиков — это практиковалось при условии доверия между ними, на основе общего понимания и согласия по поводу справедливости такой схемы распределения, то есть по поводу равенства самих артельщиков как трудовых единиц (в их производительной силе, мастерстве, полезности для собратьев), равенства или эквивалентности выполненных каждым долей общей работы.

9. Отсутствие ответственности артели по *личным* долгам и провинностям конкретного артельщика (их нельзя путать с артельными обязательствами, на которые распространялась круговая порука); при этом нарушение артельщиком законов и нравственных норм внешнего по отношению к артели общества, наносящее или способное нанести ущерб репутации артели, порицалось вплоть до наказания и исключения из артели.

10. Сочетание хозяйственно-экономических целей деятельности с целями духовными, нравственными, связанными с осознанием артели как высшей социальности, братства и взаимопомощи; поощрение артелью этих высших качеств (образ «артельного человека» как приспособленного к взаимодействию и согласованной, предсказуемой, ожидаемой его собратьями деятельности, высоко ценящего артельное братство).

11. Жесткое пресечение индивидуальных действий артельщика, когда тот получает какие-либо частные выгоды или корысти за счет артели без согласования с ней, без ее ведома, без учета общей пользы и интересов собратьев.

12. Отбор людей в артель по сложной системе критериев. В большинстве артелей был строгий подход к компетенциям и навыкам новопринимаемых лиц, строгий подход к их нравственному облику и способности соблюдать писанные и неписанные нормы артельной жизни. Как правило, артель в народном сознании воспринимается как образец *высокой общности*: не каждый может работать в ее составе — до уровня «артельного человека» необходимо подняться, возрасти; а поднявшись — удержаться на этом уровне.

Артельный человек, в особенности руководитель и организатор артели, — уважаемый в народе человек. Это своего рода «знак качества» личности.

* * *

Из перечисленных 12 принципов одним из самых трудных для понимания остается принцип круговой поруки, служащий внешним измерением артельной солидарности. *Круговая порука* — норма обычного права, регулировавшая отношения артели (и общины) с окружающими субъектами деловых отношений. Древняя формула круговой поруки — «*которой из нас в лицах, на том деньги*» — встречается во многих письменных источниках. В случае, когда артель одалживала какие-либо средства, круговая порука, в силу ее распределенности на каждого артельщика, давала заказчику дополнительные гарантии. Касалось это и добросовестности перед заказчиком в выполнении артелью работы²⁰. На практике круговая порука не означала перекладывания ответственности или вины с одного члена артели на других. Возмещение ущерба, как в артели, так и в общине, практически всегда осуществлялось за счет реального виновника; при этом артель смягчала его положение, могла предоставить займ, рассрочку, не допуская его полного разорения. Сущность круговой поруки (вопреки поверхностным суждениям многих скептиков) заключалась в верховенстве внутреннего автономного суверенитета артели над внешними правовыми отношениями. Внешний мир через круговую поруку фактически признавал за артелью (общиной), исполнившей обязательства и удовлетворившей взыскания, право самостоятельно вершить суд над провинившимся перед внешними субъектами, нанесшим им какой-либо ущерб. И этот суд зачастую был и более гуманным, и более справедливым, чем суд внешний.

При осуществлении многих предприятий наем артелей был выгоден, потому что хозяин тем самым застраховывал себя от возможных неудач в промысле. К примеру, в случае с рыболовной «покрутой» (так назывался род артели, где хозяин предоставляет капитал, средства производства, а остальные члены артели — труд) на вознаграждение артельщикам шла не четко определенная сумма, которую иной раз для хозяина выплатить было затруднительно, а доля от общего промысла. Благодаря этому обстоятельству хозяин мог специально не контролировать работу артели, — она выступала как вполне самоуправляющийся и самостоятельный коллектив, заинтересованный в возможно лучших результатах своей деятельности²¹.

Важной темой в понимании специфики русской артели является ее соотношение с кооперацией. У исследователей на сей счет существуют диаметрально противоположные оценки и суждения. Основываясь на многолетних изысканиях, мы полагаем, что артель не является частным случаем кооперации, понимаемой в узком смысле²². Русская артель существовала

²⁰ В теоретико-правовом плане круговая порука представляет собой разновидность солидарной ответственности и отличается от простого поручительства — исполнение обязательств при круговой поруке должно быть своевременным и немедленным.

²¹ См. Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 36—37.

²² Артель, разумеется, может быть определена термином «кооперация» в ее широком и абстрактном значении — как союз, основанный на сотрудничестве, совместной деятельности нескольких лиц.

задолго до того, как возникла так называемая производственная кооперация, задолго до Роберта Оуэна, рочдейльской лавки и т. д. Она не является частным случаем этой практики, а скорее — сквозным принципом, который просматривается в русской жизни и экономике с древних времен. Что же касается производственной кооперации, к которой некоторые теоретики пытались свести артель, то она представляет собой одну из разновидностей социальной организации, иницилируемой, исходя из идеалов и представлений образованной части общества.

Эта точка зрения достаточно убедительно обосновывалась многими признанными знатоками темы. Так, В. П. Воронцов видел в артели в первую очередь продукт обычного права, «низовое» явление, тогда как в кооперации — внедрение заграничных образцов учреждениями, стоящими над народом²³. Точной представляется и мысль М. Л. Хейсина, утверждавшего, что русская производительная кооперация, близкая по форме к артелям, возникла у нас не из артелей²⁴. Фактически мы имеем дело с двумя параллельными и накладывающимися друг на друга процессами: с одной стороны, постепенным, эволюционным развитием в России народной артели, с другой — начавшимся в XIX веке бурным активизмом политиков, идеологов, общественных деятелей, вдохновленных идеями социализма и кооперации. Второе явление представляло собой превращенную форму русского западничества с ориентацией, как водится, на наиболее успешные иностранные образцы. В этом западничестве были и свои «славянофильские» черты, сильная «народническая» составляющая — отсюда и многочисленные попытки скрестить кооперацию с народной артелью, увязать их в рамках единой целостной идеи²⁵.

Во второй половине XIX — начале XX века русская общественная мысль в значительной степени вращалась вокруг стойких иллюзий, или даже утопий, по поводу не просто сохранения исконных русских форм — общины и артели, но и построения на их основе нового социализма с отечественной спецификой, своеобразного русского социализма. Эти иллюзии и утопии, возможно, были не столь уж и далекими от жизни, как это зачастую представляют, — опыт общинного и артельного бытия, если понимать его не буквально, а как огромный пласт нравственных ценностей, социально-психологических преимуществ и достоинств русского человека, который мог бы оказаться востребованным, если бы Россия в XX веке пошла по иному пути развития. Во всяком случае, этот пласт ценностей и установок давал обнадеживающие всходы. Как справедливо писал русский теоретик А. А. Николаев, «буйный рост русской коопера-

²³ См. В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 1 и др.

²⁴ См. Вестник кооперации. 1909. № 1. С. 34.

²⁵ Любопытная деталь: несмотря на все аргументы теоретиков кооперации западного типа, официальная позиция заключалась в том, что артели не являются кооперацией. Царское правительство в лице Министерства промышленности и торговли при обсуждении в 1916 году вопроса об изменении положения 1902 года «Об артелях трудовых» отказалось признать артели частью кооперации. Только кооперативный закон, принятый Временным правительством, в котором преобладали сторонники западного направления внутри кооперативного движения, в марте 1917-го признал кустарно-промышленные артели частью российской кооперации (см. об этом: Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 123).

ции после 1905 года объясняется колоссальным, многовековым опытом артельной жизни»²⁶. Это безусловно так, поскольку тот артельно-кооперативный бум, который начался в Российской империи в последние десятилетия ее существования, невозможно объяснить никакими потугами со стороны интеллигенции и власти. Это было всенародное, низовое движение, вызванное открывшимися шлюзами в законодательстве и государственной политике, которая в ту эпоху была направлена на помощь экономической самоорганизации.

Сложность исторического момента заключалась в том, что русская артель нуждалась в защите от все усиливающейся агрессивной капиталистической среды, в которой она была вынуждена выживать. Перед артелью открывались два пути: либо при поддержке государства и общества обретаť более цивилизованную форму, становиться вровень с веком и брать на вооружение новейшие методы и технологии, либо идти на уступки капиталистам. Второй путь означал закабаление артелей и, так или иначе, их «перерождение». Первый путь стремительно осмысливался теоретиками, но оставался во многом туманным и гипотетическим; второй путь, казалось бы, становился реальностью — образчики «перерождения» артелей встречались все чаще.

В условиях капитализма, без серьезных опор в лице «больших» институтов, опекающих народную самоорганизацию (ведомства-заказчики, земства, общественные советы по содействию кооперации, частные благотворители-энтузиасты, обладающие деньгами или административными возможностями, и т. д.), артель вступала в тесные отношения с капиталом, в первую очередь торговым, попадала в зависимость от него как более подвижного и эффективного оператора на рынке и нередко утрачивала свои сущностные черты, превращаясь в придаток капиталистических предприятий. Некоторые артели вращались в капитализм и постепенно превращались в стандартные экономические ассоциации (такие, как акционерное общество, фирма, работающая на аутсорсинге, и т. п.). Нередко такие формы, утрачивая самостоятельность и способность к подлинному самоуправлению, по инерции все еще продолжали именоваться «артелями». Данный факт представляет собой проблему для исследователя, поскольку последнему приходится делать выбор: либо ради строгой методологии отказать этим формам в праве именоваться артелями, либо пойти на компромиссное расширение понятия «артель», а фактически — на его размывание.

Так или иначе, в последней трети XIX — начале XX века росло число квазиартелей, в деятельности которых артельщики переставали участвовать личным трудом, получая лишь барыши; возникли спекуляции «артельным местом» (так называемый артельный азарт), артель использовалась как удобная юридическая форма для прикрытия другой деятельности (в том числе незаконной) и т. д. Артели, которые допускали вторжение внешних сил, изменение своих принципов и ставили под сомнение собственные суверенитет и автономность, мы называем *деградирующими*. Вступление на путь перерождения еще не означало смерти артельного начала. Конечной точкой перерождения могло стать полное поглощение артели капита-

²⁶ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения / Изд. 2, перераб. и доп. автором. Т. 1. Вып. I: Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 88.

листическими предприятиями. В жизни чаще происходило другое: артель просто закрывалась, не выдержав конкуренции с капиталом, имевшим возможность во время кризиса снижать цены и таким образом «душить» артельного предпринимателя.

Иной путь развития — формирование сети кооперативных хозяйств, охватывающей постепенно все мыслимые и немыслимые сферы рынка. Этот путь представлялся народникам-социалистам единственно правильным, дающим шанс народной артели сохраниться и вырасти в зрелые формы. Поразительным и маловероятным для большинства наших читателей будет тот факт, что в России начала XX века этот «утопический» путь, как будто опровергающий тезисы о неумолимом шествии прогресса и капитала, был еще одной реальностью, «параллельной реальностью» внутри многообразной русской цивилизации. Сеть народных предприятий не просто возникла, а развивалась огромными темпами и постепенно обретала черты *действительной альтернативы капитализму (а заодно — и коммунизму)*. Статистика свидетельствует: на 1 января 1918 года в стране насчитывалось 51 417 кооперативов, членами которых являлись около 22 миллионов человек. По этому показателю Россия вышла на первое место в мире, а ее экономика превратилась в многоукладную со значительной долей государственного и социалистического секторов²⁷. В то же время при оценке этого периода необходимо учитывать, что столь внушительный рост кооперативов объяснялся милитаризацией экономики, ликвидацией рынка и возникновением необходимости в альтернативных распределительных механизмах — ими и стали кооперативы, которые наложились на привычку народа действовать артельно. Сходная ситуация (хотя и в гораздо меньшем масштабе) сложилась позднее во время Великой Отечественной войны, когда в условиях мобилизационной экономики кооперативы проявили себя как эффективные механизмы распределения.

Главная слабость русской артели и кооперации революционной эпохи заключалась в том, что идеологи и духовные лидеры кооператизма-артельности не успели получить достаточного политического веса. Отчасти это было связано с принципиальной аполитичностью их программы. Теория «кооператизма» предлагала изменять социальную среду и личность внутри капиталистического устройства — в отличие от того же марксизма, в рамках которого предполагалось завоевание власти и изменение социального строя, с тем чтобы потом на новой основе появился новый человек. Таким образом, новое общество кооператизма-артельности должно было выстраиваться с фундамента, «снизу вверх». При этом борьба с капитализмом велась как бы исподволь. Е. Д. Максимов (Слобожанин) писал по этому поводу: «Кооператизм-артельность не разрушает капиталистические фабрики и заводы, а, строя рядом с ними артельные и кооперативные мастерские, фабрики и заводы, делает первые ненужными»²⁸. По точному замечанию Н. А. Аитова, «нужна была значительная доля наивности, чтобы мечтать о том, что, создавая сеть мелких производственных и потреби-

²⁷ Говоря о «социалистическом секторе», мы имеем в виду органический народный социализм, социализм русской артели и потребкооперации, альтернативный марксистскому.

²⁸ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. С. 75.

тельских кооперативов, можно сокрушить капитализм и создать общество трудящихся»²⁹.

Артель, несмотря на огромное число ее последователей, была беззащитна перед политиками, настроенными на радикальное насильственное изменение социального устройства страны. Как отмечал задолго до этого времени один из самых чутких исследователей Ф. А. Щербина, артели не могут сами по себе быть реформирующей общество силой, «им едва впору отстаивание своего собственного существования. Они имеют важное социально-воспитательное значение. Они могут послужить *подготовительным материалом для развития высших форм ассоциационного труда и отношений*, и в этом вся их сила и залог для будущего»³⁰.

Идеологи артелиности вели полемику с кооператорами-западниками, противопоставляя их взглядам свой идеалистический, нравственный, педагогический подход (Е. Д. Максимов (Слобожанин), В. Ф. Тотомианц, А. Н. Анцыферов). Они не предвидели того, что главная угроза народной артели на новом историческом этапе будет исходить уже не от капитализма, а от радикальных идеологий, готовых взять в качестве своего инструмента и направить на достижение своих целей авторитарное государство. А. Н. Анцыферов в своих «Очерках по кооперации» пытался прогнозировать: «Вытеснение капитализма будет идти не всегда прямыми путями, не всегда открытой борьбой и конкуренцией с капиталистическими предприятиями, а часто обходными, окольными путями. Таким окольным путем является система “копартнершипа”, или рабочего акционерства, затем участие кооперации в капиталистических предприятиях и учреждении полукапиталистических предприятий»³¹.

Советской власти в наследство от самодержавия достался народный уклад с преимущественно традиционными крестьянином и промысловиком, уклад, так и не разрушенный капитализмом. Что касается сельской общины, то ни отмена крепостного права, ни столыпинская реформа не предрешили ее уничтожения. Пройдя полувековой путь соблазнов и искушений, русское крестьянство на момент перелома 1917 года не просто оставалось в массе своей участником общинных отношений, — наблюдалась тенденция возврата к общине, ее укрепления как модели, доказавшей свою жизненность и силу в условиях катастрофической Смуты. Ни буржуазный уклад фермерства, ни эксперименты с анархо-коммунистическими ассоциациями не составили общине серьезной конкуренции в сельском хозяйстве страны. Окончательное разрушение общины произошло уже в начале 1930-х годов в ходе раскрестьянивания русской деревни.

Что же касается артелей, то в начале XX века эта форма значительно окрепла. Большевики, увидев бесперспективность силового решения вопроса о национализации кооперативов, поначалу пошли на союз с артелями. Промысловая кооперация, которая сохранялась в сталинском СССР, пережила

²⁹ **Аитов Н. А.** Размышления дилетанта о том, где взять денег на зарплату // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 96.

³⁰ **Щербина Ф. А.** Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 127–128.

³¹ **Анцыферов А. Н.** Очерки по кооперации: лекции и статьи / Изд. 2, пересмотр. и доп. М., 1915. С. 99–100.

сельскую общину, однако и она была ликвидирована путем принудительного вливания в советскую промышленность в 1960-е годы. По выражению социолога О. К. Федоровой, русские община и артель были разрушены искусственно. Это было не экономическое, но административно-политическое уничтожение дореволюционных народных устоев³².

Лучшие умы России возлагали на эти устои большие надежды. Д. И. Менделеев писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»³³.

А. Н. Энгельгардт, резюмируя многолетние исследования русской жизни, главный свой вывод формулировал следующим образом: «Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, то думал совсем противное), изучив помещичьи и деревенские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее»³⁴.

Артель и община были связанными между собой подсистемами национального общественного уклада. Община представляла собой оседлое, прочное, корневое начало, сопряженное с семьей, родом, воспитанием и возрастом детей. Артель по отношению к семье и общине представляла собой форму частичного «открепления», в ней было выражено *поис-*

³² Поле жизни для артели в советской экономике с каждым десятилетием сокращалось, и со второй половины 1960-х годов едва ли не единственной отраслью, где артельные отношения были узаконены, оставалась золотодобыча. (По уставу и колхозы также именовались сельскохозяйственными артелями, но это название было юридической фикцией, поскольку наиболее важный принцип артели, а именно — добровольность участия, в колхозах искоренялся.) *Старательские артели* — артели золотодобытчиков, существовавшие в разных формах, начиная от мелких групп «диких артелей» в два-три человека, добывающих золото с помощью кайла, лопаты и небольшого лотка, и заканчивая большими коллективами, оснащенными новейшей техникой. В 1913 году удельный вес старательской добычи от всей добычи золота в стране составлял около 59 процентов, в советское время этот показатель составлял в разные годы от 16 до 35 процентов. Многие советские старательские артели выполняли весь комплекс работ горного производства, в том числе вели поисковые, геологоразведочные работы, осуществляли строительство производственно-бытовых объектов, линий электропередачи, дорог и проч. Эти формы артельного труда дожили до последних лет Советской власти, поскольку старатели разрабатывали неудобные для госпредприятий месторождения, при использовании артельного труда государству не требовалось расходовать средства на создание социальной инфраструктуры. При этом производительность труда в артелях была в среднем в два раза выше, чем на госпредприятиях. Стране требовался драгоценный металл, его не хватало для закупки нового оборудования, материалов, технологий. Поэтому старатели оставались на особом положении и им позволялось иметь чрезвычайно высокие по советским меркам заработки.

³³ Менделеев Д. И. Собрание сочинений. Т. 20. М., 1952. С. 326.

³⁴ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. С. 322.

ковое начало, народное предпринимательство, творческое исследование внешнего пространства жизни, страны, тех ниш в ней, которые требовали заполнения и освоения. Неудивительно, что этот поиск чаще всего происходил в отрыве от общины и семьи, в свободном движении по просторам родной земли. В артели русский народ шел на эксперимент, риск, социальное творчество, оттачивал мастерство, развивал предприимчивость, пытливым изучал общественную жизнь, природу, экономику России, особенности ее регионов. Недаром за большинством артельных занятий закрепилось наполненное глубоким смыслом понятие «промысел» — человек в промысле заострял свои мысли и навыки, постигал разнообразие жизни, богатство ее возможностей. Талантливый человек через промысел мог воплотить свой дар, раскрыть таившееся под спудом.

* * *

Сегодня многие культурологи, социологи, экономисты рассматривают артельность наряду с общинностью и соборностью как один из важнейших культурно-психологических и социально-исторических архетипов России. Такие трактовки восходят к большой и богатой традиции исследования и осмысления феномена русской артели и кооперации, начиная с поздних славянофилов, почвенников, народников, социалистов и кооперативистов разных толков. Апологетическое и в целом комплиментарное отношение к русской артельности характерно для многих авторов почвеннического направления, а иногда даже и для исследователей-либералов, пытающихся апеллировать к артельной теме³⁵. Высшим воплощением и наиболее развернутым выражением идеи «артельности» являются работы Е. Д. Максимова (Слобожанина), сделавшего ее главным тезисом своей философии и социальной программы.

Есть сегодня и критики идеи «артельности» как черты русского менталитета. Так, например, Н. П. Дроздова посвятила целое исследование тому, чтобы развенчать «декларативные утверждения» об артельности русского человека, которые, с ее точки зрения, «фальсифицируют» социальную действительность. Чтобы обосновать этот полемический вывод, Дроздова прибегает к лингвистическим аргументам: утверждает, что сами слова «артельность» и «общинность» не использовались ни в дореволюционной отечественной литературе по данной проблематике, ни в обыденном разговорном языке³⁶.

Данные выпады направлены, по сути, против идеологии «кооператизма-артельности» и современных авторов, усвоивших логику Максимова (Слобожанина) и его сторонников. Е. Д. Максимов в своих лекциях заострял внимание именно на *универсальном характере* принципа артельности: «Артельность не выдумана, не искусственное движение, созданное в каких-либо групповых интересах, а общечеловеческое стихийное явление, творчество всего народа, во всей совокупности его сил, истинная социальная

³⁵ В качестве примера см. **Ясин Е.** Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.

³⁶ См. **Дроздова Н. П.** Российская «артельность» — мифологема или реальность? Артельные формы хозяйства в России в XIX — начале XX в.: историко-институциональный анализ // Научные доклады № 44(R) — 2006. СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2006. С. 23, 8, 9.

система, всесторонне охватывающая как жизнь человеческой личности, так и всего человеческого общества»³⁷.

Термин «артельность» действительно не встречался в народной речи и крайне редко фигурировал в литературе до зарождения движения «кооператизма-артельности». Безусловно, этот факт не является сколько-нибудь весомым аргументом против самой идеи «артельности» или против ее аутентичности. Ведь стоящее за этим термином содержание фиксировалось в русском языке постоянно и отчетливо. У теоретиков кооперации и артели функцию этого термина выполняло словосочетание «артельное начало» — в XIX веке наша общественная мысль вообще неохотно брала на вооружение неологизмы. Термин «артельное начало» (в единственном числе слова «начало») встречается у большинства видных исследователей этой темы, начиная с самых первых из них (Калачова, Дитяткина, Исаева, Щербины). Что же касается живого языка, смысл и содержание термина «артельность», вне всякого сомнения, жил в народном сознании и выражался посредством такого распространенного понятия, как *«артельный человек»* (варианты — «артельный мужик», «артельный парень» и т. д.) Выражение «артельный парень» донесено народной разговорной речью до наших дней.

Понятие «артельный человек» в первую очередь означало такое важнейшее свойство участника артели (и требование к нему), как *психическая совместимость* с другими артельщиками. Выражение «неартельный человек», соответственно, выражало противоположное значение: в широком смысле слова — неуживчивый, необщительный, неприятный в общем деле и времяпрепровождении; в узком смысле — человек, артелью забракованный, не годный быть участником солидарного совместного предприятия. Понятия «артельный человек», «артельные люди» имели самое широкое хождение в народной речи, чему есть немало свидетельств.

Предшественником идеологии «артельности» Слобожанина явился А. Н. Энгельгардт, один из самых последовательных певцов русской артели, при этом глубокий реалист, знаток аграрного хозяйства и народной жизни, а не кабинетный теоретик. У Энгельгардта мы встречаем целую философию «артельного человека» и, как синоним этого понятия, «союзного человека». Ссылаясь на мужиков, он приводит народное определение «артельных людей» как *«людей более гуманных, способных сдерживать свои эгоистические инстинкты, уступать другим, уступать общему духу, общим потребностям, общему благу»*. В своих «Письмах из деревни» Энгельгардт развивает учение о независимом, полном собственного достоинства земледельце, которому противопоставляется батрак (лакей, служащий), подлаживающийся под начальство и «мерсикающий ножкой». С точки зрения крестьянина-общинника, крестьянина-артельщика, батраки — пропавшие люди, хоть бы они и разбогатели в услужении у господ. Но даже если единицы и разбогатели, отмечает Энгельгардт, большинство ушедших с земли погибает в батраках и поденщиках. Антиподом батрака является как раз артельный человек. Это своего рода «всецеловек», *не единоличник, не индивидуалист, а идеалист, поэт*. Артельные, «союзные» люди, по Энгельгардту,

³⁷ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.) Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте / Изд. 2. Боровичи, 1919. С. 39.

означает *дружные, солидарные люди*. Артельные, союзные деревни — это дружные деревни³⁸.

Из большого числа работ об артелях, проанализированных в нашем труде, можно без особого труда вычлениить эту философию «артельности», союзного солидарного мироустройства, испытанного на прочность в ходе развития русского капитализма. Главным продуктом и носителем этой философии был артельный человек, представлявший собой тип, широко распространенный и в то же время далеко не единственный. Настоящих, сильных артельных людей, способных к сопротивлению внешним влияниям, отстаиванию братских интересов своей артели, своей деревни, своего «мира», было не так уж и много. Но они занимали ключевые позиции в старом крестьянском укладе, на них держались и общины, и артели, их авторитет в народе был непререкаем. Сломить силу этого авторитета удалось лишь Советской власти, которая целенаправленно поставила эту задачу и решила ее. Те из сильных артельных и общинных людей, кто уцелел в Первой мировой и Гражданской войнах, были в значительной своей части репрессированы в ходе раскулачивания. Часть из них сохранилась в артелях промкооперации, кто-то успел переселиться в город. Но последние были вынуждены приспособливаться к новому укладу. Тем не менее мы убеждены, что на генетическом уровне архетип сильного артельного человека, архетип русской артельности — неистребим.

* * *

В свете современного анализа самоорганизации в малых командах³⁹, русская артель ее классического образца может быть определена как выдающийся образец *социальной синергии*. Термин «синергия» (*греч.* Συnergieia — «содейственность», «соэнергичность») в новогреческом языке представлял собой абсолютный синоним понятий *кооператив* или *артель* («сорботничество», *лат.* cooperatio). При этом он имеет огромное значение в православном богословии, обозначая соединение тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии, в сопряжении которых происходит духовное возрастание и преображение подвижника. В артельном коллективе и в синергетической команде этот принцип «со-энергичности» отражает не только простое объединение усилий с целью больше заработать или решить производственные проблемы, но и эффект взаимопомощи, слаженной работы, осознания взаимозависимости участников.

Степень доверия, старательности, солидарности в такого рода коллективах на порядок больше, чем в коллективах наемных работников, в которых

³⁸ См. **Энгельгардт А. Н.** Письма из деревни. С. 305, 318, 344.

³⁹ Это касается новейших западных теорий по командообразованию в корпорациях, когда команда понимается как «живая структура», способная к синергетическим эффектам, возникают идеи о самомотивации сотрудников, самоуправляемых бригадах, проектных командах, «викиномике», возрождение интереса к ценностям товарищества и взаимной ответственности на производстве как факторов вовлечения в корпорацию, обращение к ценностям открытости лидера, эмпатии между сотрудниками и т. д. См., например: **Хейдема Дж., МакКензи К.** Как создать команду, увлеченную своим делом. М., 2009; **Юстик Э.** Сотрудник-невидимка. М., 2008; **Граттон Л.** Точки кипения. СПб., 2008; **Гэлгер Р.** Душа организации. М., 2006; **Мэддакс Р.** Успешная команда. М., 2008; **Роббинс Х., Финли М.** Почему не работают команды. М., 2005.

главной и определяющей личную мотивацию является вертикальная связь между нанимателем и наемником, а не горизонтальные связи между работниками. В синергетических коллективах люди учатся совместно решать общие задачи, ценить тех, кто способен предложить оптимальное решение этих задач. Артельность и синергийность не тождественны коллективизму; здесь возникает более сложное качество сложения усилий, когда командный характер деятельности сочетается с глубоким индивидуализмом, от человека требуется не только уживчивость и демократизм, но и многопрофильность, высокая адаптивность к меняющимся внешним условиям, строгость в следовании признанным в данной команде принципам справедливости. С нашей точки зрения, такое сочетание гораздо глубже соответствует русскому культурному архетипу, чем элементарный коллективизм с его уравнительностью и инертностью.

Русский народ в разные исторические эпохи воспроизводил эту благородную модель высокой социальности. Присутствием артельных архетипов объясняется и внутреннее сопротивление носителей русской культуры попыткам навязать чужие модели коллективизма коммуны, частнособственнического предпринимательства, пресловутого «рационального» экономического поведения, протестантской хозяйственной этики. Нам необходимо достигнуть новой ясности в понимании естественных склонностей и преимуществ нашего народа, чтобы не повторять ошибок прошлого и не жертвовать во имя каких-то абстракций и экспериментов этим величайшим внутренним богатством русской цивилизации. ◆